

ОТЗЫВ
на диссертацию
Ахмеда Алабиевича Глашева
«Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников
X – XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом
контексте», представленную на соискание учёной степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (тюркские языки)

Рецензируемая диссертационная работа А.А. Глашева посвящена комплексному трансдисциплинарному изучению текстов средневековых тюркоязычных памятников *Irk Bitig* (X век) и *Codex Cumanicus* (XIV век) с широким привлечением для уточнения перевода и интерпретации некоторых дискуссионных фрагментов этих репрезентативных источников данных по этнолингвокультурной истории карачаево-балкарцев, их языка и этнической культуры. Эти замечательные нарративные источники по истории средневековых тюркоязычных народов имеют непреходящее значение для изучения истории этнических, лингвистических и культурологических аспектов прошлого многих тюркских народов, а в их числе, прежде всего, современных кыпчакоязычных этносов. Именно по этой причине выбранные А.А.Глашевым письменные памятники привлекали и продолжают привлекать внимание многих тюркологов из разных стран. Однако следует отметить, что комплексный трансдисциплинарный подход к изучению древних и средневековых тюркоязычных памятников, насколько я знаю, до сих пор не получил сколько-нибудь широкого распространения. Именно по этой причине привлекли моё внимание во многом пионерные исследования соискателя. Хочется с самого начала отметить личные широкие и подробные знания соискателя этнолингвокультурной истории, традиционного быта, языка, фольклора, мифологии, эпоса и других проявлений культуры карачаевцев и балкарцев. Именно комплекс знаний этнолингвокультурных традиций целого ряда тюркских народов позволил автору исследования по-

новому взглянуть на анализируемые древнетюркские памятники и разобраться в предметно-понятийном и смысловом содержании многих дискуссионных фрагментов, вызывающих разногласия и сомнения у многих исследователей и переводчиков.

Знакомство с многочисленными публикациями соискателя показывает, что автор диссертации обладает достаточно широкими и глубокими знаниями в области древней и средневековой истории тюркоязычных народов, изучил практически все основные исследования предшественников по анализируемым проблемам языка, культуры и истории тюркских народов в целом и этнолингвокультурной истории карачаево-балкарцев и их куманско-кыпчакских предков.

Объектом исследования обсуждаемой работы соискателя является смысловое и предметно-понятийное содержание некоторых «тёмных» слов и номинативных синтагм, встречающихся в материалах «*Irq Bitig*» и «*Codex Cumanicus*», получивших в имеющихся публикациях этих памятников неоднозначные интерпретации. Следует отметить, что существующие довольно многочисленные переводы и интерпретации анализируемых соискателем письменных памятников средневековых тюркских языков содержат ряд неточностей и явных ошибок. Иногда количество предложенных разными исследователями версий толкования «тёмных» мест в общей сложности превалирует десяти. Таким образом, сложившееся положение дел требует углубленного изучения этих (и других) древних и средневековых письменных памятников тюркских языков с привлечением релевантных данных смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Предметом исследования является критический анализ предложенных авторами публикаций этих источников различных версий переводов конкретных лексем и толкований смыслового содержания номинативных синтагм с целью выяснения их подлинной семантики.

Целью исследования является реконструкция первоначального графического и фонетического облика проблематичных слов и фрагментов текста анализируемых памятников и восстановление их смыслового содержания. Для решения поставленных перед собой задач автор прибегает к трансдисциплинарным исследованиям с привлечением данных диахронической лингвистической компаративистики, этнологии, культурной антропологии, истории, археологии и ряда других релевантных социально-гуманитарных дисциплин. При этом автор широко применяет соответствующий репрезентативный эмпирический материал родного ему карачаево-балкарского этнолингвокультурного универсума. Обращение к материалу карачаево-балкарского языка в данном случае оправдано рядом обстоятельств. Главным из них является то, что карачаево-балкарский язык относится к куманско-кыпчакской группе тюркской языковой семьи и, следовательно, имеет самые тесные генетические связи с языком «*Codex Cumanicus*» – важнейшим письменным памятником средневекового кыпчакского (куманского, половецкого) языка золотоордынского периода, являющимся замечательным источником для сравнительного историко-генетического изучения всех известных кыпчакских языков.

Вынесенное на суд высокого диссертационного совета комплексное междисциплинарное научное исследование А.А.Глашева «Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников X – XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом контексте» состоит из «Введения», трёх глав, «Заключения», списка использованной литературы (335 названий) и приложений.

Во вводной части чётко обозначены цели и задачи, поставленные автором для решения их в ходе аналитических процедур, подробно описана источниковая база, а также эксплицированы все необходимые атрибуты диссертации. Здесь обосновывается выбор темы диссертационного исследования, её актуальность, разъясняются объект, предмет, цель и задачи

исследования, аргументируется выбор методологии комплексного междисциплинарного исследования, характеризуются материалы анализа, степень разработанности темы, раскрывается научная новизна, теоретическое и практическое значение исследования, приводятся вынесенные на защиту основные положения, а также приводятся сведения об апробации.

В первой главе диссертации, озаглавленной «Характеристика древнетюркских памятников «Ырк битиг» (*Irq Bitig*) и «Кодекс куманикус» (*Codex Cumanicus*) и история их исследования» приводятся подробные сведения об исследуемых памятниках и истории их изучения, а также краткий но практически полный обзор российской и зарубежной литературы по поднятым в диссертации проблемам. Он подробно ознакомился со всеми доступными публикациями и исследованиями анализируемых письменных источников и дал им объективную критическую оценку, выявил упущения и ошибки предшественников и наметил методы более глубокого изучения первоисточников.

После историографической главы логически напрашивается компактная глава, посвящённая обзору достаточно сложной и далеко не однозначной проблематики этнолингвокультурогенеза карачаевцев и балкарцев и их взаимоотношений с исторически контактировавшими родственными и иносистемными народами, для обоснования выбора именно материалов карачаево-балкарского языка, как основных, для предложенной автором интерпретации исследуемых древнетюркских памятников. Соискатель не обманул ожиданий читателя. Во второй главе «Особенности языка, культуры и этногенеза карачаево-балкарцев» автор охватил весьма широкий круг исследовательских работ по обозначенной проблематике, опубликованных за последние два столетия. Большое внимание уделил вопросу о месте карачаево-балкарского языка в классификационной семье тюркских языков, подробно рассмотрел основные аспекты архисложной и трудной проблемы этнолингвокультурогенеза карачаевцев и балкарцев,

истории формирования их мифологии и эпоса, подробно и аргументированно обозначил основные методы комплексного междисциплинарного изучения древних письменных источников с использованием репрезентативного эмпирического материала современных этнолингвокультурных континуумов. Включение такой главы в корпус диссертации, в общем-то посвящённой лингвистической интерпретации древнетюркских памятников, по моему убеждению, помогло соискателю избежать многих фактических ошибок историко-культурного характера при интерпретации древних памятников, а также панхроничности и ахроничности дальнейшего изложения материала исследования.

Третья глава «Перевод и интерпретация фрагментов древнетюркских памятников» посвящена проблематике сравнительно-сопоставительного анализа ряда «тёмных» фрагментов памятников «Ырк битиг» и «Кодекс куманикус», которые вызывали и до сих пор вызывают весьма серьёзные сомнения и разногласия у переводчиков, исследователей и издателей этих исторических источников. В отличие от своих предшественников, предлагавших разные прочтения и интерпретации «тёмных» фрагментов памятников, А.А.Глашев основывает свои версии толкования на совокупности лингвистических, этнокультурологических, сравнительно-исторических репрезентативных данных. Междисциплинарный подход к использованию релевантных эмпирических данных смежных социально-гуманитарных наук позволил соискателю правильно понять смысловое и предметно-понятийное содержание отдельных слов, номинативных синтагм и фрагментов проштудированных памятников и обосновать новые более корректные толкования спорных фрагментов «Ырк битиг» и «Кодекс куманикус». Безусловную актуальность поставленных А.А.Глашевым весьма интересной и архисложной проблематики определяет давно назревшая необходимость сбора по возможности полного корпуса репрезентативного эмпирического материала, демонстрирующего направленность и

интенсивность этнолингвокультурных процессов, происходивших в средневековье на Северном Кавказе, в Понто-Каспийском междуморье и на юге Восточной Европы, и детального и системного сравнительно-исторического, генеалогического и историко-этимологического изучения кыпчакского (шире – тюркского) вклада в развитие карачаевского и балкарского народов. Работа эта чрезвычайно трудоёмкая и требует высокой квалификации специалистов, но она исключительно необходима, чтобы объективно и адекватно реконструировать в достаточно полном объёме сложнейшие процессы этнолингвокультурогенеза, разворачивавшиеся на Северном Кавказе в богатом эпохальными социально-политическими и культурно-экономическими событиями Средневековье. В этой связи вызывает искреннее восхищение и одобрение смелость и дерзновенность, с которыми взялся за эту неимоверно сложную проблематику наш балкарский соискатель. Скрупулёзное изучение накопленного предшествующими поколениями учёных огромный репрезентативный эмпирический материал позволил соискателю подготовить работу, в которой кратко, но в полном объёме представлена общая картина сложившегося к настоящему времени конвенционального взгляда на этнолингвокультурную историю карачаевцев и балкарцев. А.А.Глашев несколько скромно охарактеризовал основные параметры своего исследования, однако совокупность опубликованных работ демонстрирует, что объектом исследования соискателя на самом деле является история этнолингвокультурных взаимоотношений на юго-востоке Европы, начиная с эпохи гуннов и кончая постзолотоордынским временем, а предметом исследования – материальные следы древнетюркского и среднекыпчакского языков в фонологической системе и лексическом фонде карачаево-балкарского языка и его диалектов.

В своём отзыве я решил также затронуть дискуссионные проблемы карачаево-балкарского этнолингвокультурогенеза, рассмотренных автором диссертации во второй главе. Об этих проблемах пишут в меру своей

компетенции, прежде всего историки, археологи, этнологи и, конечно же, специалисты в области тюркской диахронической лингвистической компаративистики, в той или иной мере соприкасающиеся с вопросами средневековой истории Северного Кавказа и, шире, Юго-Восточной Европы. Однако, насколько мне известно, до сих пор не было исследований, посвящённых комплексному междисциплинарному исследованию интересной и архисложной проблематики – этнолингвогенезу и этнолингвокультурной истории карачаевцев и балкарцев.

В ходе знакомства с диссертацией А.А.Глашева у меня возникли определённые сомнения относительно голословно декларируемых некоторыми исследователями идей об участии европейских *гуннов*, а также *древних болгар* в этногенезе карачаевцев и балкарцев, о болгарско-балкарских этнолингвокультурных взаимосвязях вообще и т.д., вплоть до голословного утверждения, что де «карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племён с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «чёрные болгары» и, в особенности, одно из западнотюркских племён» (Материалы..., 1960: 310). Это не слова соискателя, но соискатель, очевидно, с ними согласен, ибо констатирует: «Именно такой подход к проблеме этногенеза карачаевцев и балкарцев в настоящее время поддерживается большинством учёных» (Глашев, 2024: 57). Далее А.А.Глашев приступает к критическому обзору литературы по этнолингвокультурогенезу карачаевцев и балкарцев и акцентирует внимание на вопросах участия в их этногенезе европейских *гуннов* (*гуннов-сабиров*), *авар*, *болгар* (*оногуров*, *утигуров*), *сабиров* (*савиров*), *хазар*, *кыпчаков* (*куман*, *половцев*), *древних тюрков* (Глашев, 2024: 57-68). Бросается в глаза, что соискатель, в силу своей природной скромности и такта, к работам своих предшественников относится излишне осторожно и трепетно, что иногда идёт во вред делу. Настоящая наука не может

развиваться без полемик и дискуссий по спорным вопросам. Более строгий критический подход к историографическому обзору трудов своих предшественников придал бы работе более солидный вид и раскрыл бы научные потенции диссертанта. Соискатель так много знает, что груз этих знаний его подавляет, и он нередко не может принять однозначного решения по поводу той или иной гипотезы о происхождении карачаевцев и балкарцев и их языка. Но это не умаляет научных достоинств исследования.

Как заинтересованный читатель, я в своей рецензии привожу много частных замечаний, но почти все они имеют только косвенное отношение к диссертации, а скорее относятся к позициям авторов рассматриваемых в диссертации исследований. Но они отражают современное состояние тюркской историографии и диахронической лингвистической компаративистики. Поэтому мои замечания не следует безоговорочно переносить непосредственно на представленную к защите работу.

Диссертация А.А.Глашева подводит определённую черту под современным состоянием изученности сложных и запутанных вопросов этнолингвокультурной истории карачаево-балкарского народа и одновременно является стартовой площадкой для дальнейшего комплексного междисциплинарного исследования древнетюркских письменных памятников в сравнительном историко-генетическом аспекте с широким привлечением материалов карачаево-балкарского языка и культуры.

Этнолингвокультурогенез карачаевцев и балкарцев является сложным и всё ещё слабо изученным процессом. Вопрос о происхождении карачаевцев и балкарцев всплыл в исторической науке без малого 400 лет тому назад и до сих пор остро дебатруется историками, археологами, этнологами, лингвистами-компаративистами. Однако в исторической науке до сих пор не существует общепринятая конвенциональная точка зрения, подкреплённая бесспорными доказательствами (см., например, работы: Мизиев, 1986; 1990; 1995; Лайпанов, Мизиев, 1993; Джуртубаев, Мизиев, 1994 и др.). На

определённом этапе развития историографии, когда шёл поиск этноисторических истоков карачаевцев и балкарцев, такой широкий охват предполагаемых предков, очевидно, в определённом отношении был весьма конструктивным. К большому сожалению, историки до сих пор не располагают точными данными о прошлом карачаевцев и балкарцев. Однако следует подчеркнуть, что современные исследователи вполне обоснованно отдают предпочтение тюркским корням этнолингвокультурной истории этих народов.

Во всяком случае, уже сейчас с достаточной уверенностью можно констатировать, что появившиеся в степях Юго-Восточной Европы кыпчакские племена примерно с середины XI века вступили в тесный контакт с местными *огузскими (печенежскими)* племенами и постепенно начали их ассимилировать. Таким образом, начала складываться *куманская подгруппа* кыпчакского языка, которая и стала основой современного карачаево-балкарского языка. История кыпчаков периода пребывания их в придонских, приднепровских и северокавказских степях достаточно хорошо освещена как источниками, так и в научной литературе, поэтому здесь нет особой необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Достаточно констатировать, что язык *куманско-кыпчакского* типа начал складываться в южнорусских степях в результате наложения западных идиомов стандартного кыпчакского праязыка на *печенежский (огузский)* субстрат. Наиболее ранними письменными памятниками куманско-кыпчакского языка являются «Кодекс куманикус» и половецкие памятники армянского письма. В куманско-кыпчакскую подгруппу кыпчакских языков наряду с карачаево-балкарским, входят ещё кумыкский, караимский и крымскотатарский (северные, степные наречия) языки. Кстати, активизировавшиеся в последние десятилетия популяционно-генетические исследования показали, что самым близким к балкарцам тюркским народом являются крымские татары. Также чётко прослеживается генетическая связь

балкарцев с осетинами (Агджоян, 2015; Джаубермезов, 2019). Практически все существующие классификации тюркских языков карачаево-балкарский язык относят к кавказской (понто-каспийской) подгруппе кумано-кыпчакской группы тюркской языковой семьи.

В рецензируемой диссертации приводятся основные гипотезы о происхождении балкарцев и карачаевцев, в которой более поздние работы по проблеме этнолингвокультурогенеза балкарцев и карачаевцев достаточно подробно рассмотрены в самой диссертации А.А.Глашева. Мне же остаётся только отметить, что практически все мнения, точки зрения, гипотезы при серьёзной проверке оказываются сугубо умозрительными предположениями и основаны на противоречивых аргументах. Вместе с тем, практически все исследователи так или иначе основным этническим ядром карачаевцев и балкарцев считают юго-западных кыпчаков (половцев), которые кстати, на Северном Кавказе представляли довольно внушительную силу, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники («каменные бабы», курганв и пр.) их пребывания здесь, на что справедливо указал автор диссертации. Некоторые исследователи связывают проникновение предков карачаевцев и балкарцев в ущелья Центрального Кавказа монгольским нашествием, но реальных аргументов в подтверждение этой версии не приводят.

После пандемии бубонной чумы («Черной Смерти») третьей четверти XIV века, в Золотой Орде была, выражаясь словами русских летописцев, «Великая замятня»: в период с 1359 по 1380 годы на золотоордынском престоле сменилось более 20 ханов, многие улусы стремились стать независимыми. Однако импульсы «Великой замятни» вряд ли доходили до центральных районов Предкавказья и оказали сколько-нибудь заметное воздействие на ход этносоциальных и политических процессов на Северном Кавказе. Во всяком случае, достоверных свидетельств об этом в исторических источниках не обнаружено.

Кстати, сохранилось историческое предание о том, что предки карачаевцев и балкарцев «остались от Хромого Тимура», т.е. Тамерлана. Поэтому некоторые исследователи считают это предание правдоподобным и пытаются обосновать гипотезу о том, что балкарцы и карачаевцы действительно являются остатками войск Тамерлана. Так, например, французский учёный и путешественник Ю.Клапрот (Klaproth, 1826; 1828), посетивший Карачай и Балкарию в начале XIX века, высказал предположение, согласно которому карачаевцы и балкарцы – выходцы из хазарского города Маджары, который был разрушен Тамерланом в 1395 году. По моему представлению, в гипотезе о связи карачаевцев и балкарцев с погромами Тамерлана есть некоторое рациональное зерно.

Действительно, в самом конце XIV века, Тамерлан проводил масштабные военные операции в Восточной Европе. Битвы, произошедшие в 1388–1397 годах, оказали колоссальное влияние на дальнейший ход истории Срединной Евразии и особенно в степях Северного Кавказа. Все историки отмечают, что военный конфликт между Тамерланом и Токтамышем конца XIV века был роковым для Золотой Орды. В 1395 году войска Тамерлана разрушили и опустошили город Тану (Азов), расположенный на берегу Меотийского озера, а в 1397 году на Тереке разбили наголову хана Золотой Орды Токтамыша и разорили множество населённых пунктов в Крыму и Понто-Каспийском междуморье. После того, как Сарай и Тану были практически уничтожены Тамерланом, северная ветвь Великого Шёлкового пути перестала приносить доходы Золотой Орде. В январе 1405 года Тамерлан принял посла Тохтамыша в Оtrarе и обещал ему вернуть престол Золотой Орды, однако в феврале того же года Тамерлан скончался. Историки сходятся во мнении, что масштабными военными походами Тамерлана в конце XIV века Золотой Орде был нанесён смертельный удар, от которого она уже не смогла оправиться. Вследствие этих роковых событий в начале XV века началась Великая замятня.

Однако в исторических источниках нет никаких сведений о том, что сколько-нибудь значительная часть воинов Тамерлана осталась в степях Северного Кавказа и, тем более, проникала в горные ущелья. Исследователи констатируют, что южные границы расселения кыпчакских племён проходила по линии Армавир – Пятигорск – Калмыцкие степи (Иессен, 1941: 30). Логика подсказывает: если даже воины Тамерлана изъявили желание обосноваться на завоёванных территориях, они бы выбрали гораздо более престижные степные просторы Волго-Донского междуречья, а не скудные земли в скалистых ущельях Центрального Кавказа. Скорее всего, в горных ущельях нашли спасение от войск Тамерлана куманско-кыпчакские племена, обитавшие во времена походов Тамерлана в степных предгорьях Северного Кавказа.

В исторической литературе традиционно рассматривается роль аланско-осетинского этнолингвокультурного компонента в формировании карачаевцев и балкарцев, причём нередко аланское наследие хронологически разводится от осетинского. Такой подход, по моему убеждению, недостаточно обоснован доказательными аргументами. Наложение на алано-осетинский субстрат куманско-кыпчакского суперстрата произошло только после проникновения куманско-кыпчакских племён в заселённые осетинами Малкарское, Чегемское, Баксанское, Холамское, Безенгийское ущелья Центрального Кавказа, о чем ярко свидетельствуют археологические памятники (богатое погребение XV в. «половецкой» знатной женщины в Верхнем Чегеме и др.).

* * *

В заключение считаю своим долгом подчеркнуть, что изложенные выше мои рассуждения (но ни в коей мере не утверждения и, тем паче, осуждения) вызваны исключительно стремлением подчеркнуть чрезвычайную актуальность поднятой проблемы и поставленных в этой

связи сложнейших практических задач и целей, а также теоретических обобщений. Был бы рад, если намеченные здесь мои во многих отношениях предварительные соображения дадут соискателю некий импульс для дальнейших более глубоких исследований акцентированных проблем. Настоятельно рекомендую уделять больше внимания исторической фонетике тюркских и иранских (особенно восточноиранских) языков и методическим аспектам историко-этимологических исследований (особенно этнонимической номенклатуры).

Читать работу интересно, хотя неспециалисту местами нелегко. Масштаб и глубина проблематики вряд ли имеют аналогии в национальных языкознаниях Кавказа и тюркского мира. К сожалению, нового показательного материала по этнолингвокультурогенезу карачаево-балкарского народа мало, связь тонка и растянута во времени и пространстве. Спорных вопросов достаточно. Порой соискатель сам вольно или невольно их провоцирует. Но будем помнить, что наука производит не истины, а идеи. Закрывая белые пятна, она подчас открывает чёрные дыры. С ними тоже приходится заниматься. Вместе с тем, рецензенту хотелось оттенить многоплановость, интердисциплинарный характер и, вместе с тем, неимоверную запутанность исследований, посвященных разным этапам эволюции народов Северного Кавказа и прилегающих регионов паранаучными публикациями дилетантов, а также подчеркнуть высокую научно-теоретическую значимость и практическую ценность (прежде всего для историков, археологов и этнологов) вынесенных на защиту идей и выводов. Дальнейшее изучение архисложных проблем средневековой истории взаимодействия тюркских и иранских народов Юго-Восточной Европы и их этнолингвокультурных взаимоотношений во всех мыслимых аспектах, ракурсах и плоскостях теперь уже немыслимо без учёта материалов, наработанного опыта и научно-теоретических выводов, изложенных в многочисленных научных публикациях А.А.Глашева, так или

иначе связанных с тематикой обсуждаемой диссертации. В совокупности они представляют ценную научно-теоретическую и фактуальную базу для создания нового поколения научных монографий, вузовских и школьных учебников и учебных пособий по тюркской диахронической лингвистической компаративистике, истории печенегов, половцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и других народов Северного Кавказа, их языков и культур.

Работа написана простым и доступным, но в то же время корректным научным языком, что наглядно демонстрирует, с одной стороны, хорошее знание автором предмета исследования, с другой – достаточно высокий уровень овладения целым комплексом приёмов и методов современного сравнительного историко-генетического (resp. генеалогического) языкознания, а также соответствующим понятийным аппаратом научного описания историко-генетических взаимосвязей и взаимоотношений контактирующих и смежных языков и народов. Научные публикации по теме диссертации и автореферат адекватно отражают основные положения, изложенные в тексте диссертации.

Наряду с отмеченными научными достижениями и недоработками, как и во всякой серьёзной научной работе, поднимающей и решающей весьма сложные научные проблемы, в рецензируемом исследовании имеются отдельные моменты, вызывающие полемику, возражения или даже критику, на которые было обращено внимание выше. Однако при этом считаю необходимым специально отметить, что они не задевают ни общей концепции автора диссертации, ни используемых им приёмов и методов анализа и критериев доказательств, а касаются лишь конкретных толкований и интерпретаций фактического материала (большой частью некорректных этимологических сближений и реконструкций предшественников), а также существующих в сфере карачаево-балкарской социально-гуманитарной науки и тюркологии в целом недостаточно обоснованных и даже явно

априорных гипотез. В этом, разумеется, никакой вины соискателя нет, а вот нагромождённых предшественниками явно ошибочных концепций – хоть отбавляй (чего стоят, например, представления об этнокультурной истории карачаевцев и балкарцев в богатом научном наследии археолога И.М.Мизиева и его апологетов). В изучение древнетюркских письменных памятников и этнолингвокультурной истории карачаевцев и балкарцев А.А.Глашев вложил большой и научно добросовестный вклад.

Диссертационная работа Ахмеда Алабиевича Глашева «Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников X–XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом контексте» в целом представляется серьёзным и содержательным, глубоко продуманным, насыщенным соответствующим теме репрезентативным эмпирическим материалом самостоятельным научным исследованием, посвящённым архисложной и крайне слабо изученной, а потому в высшей степени сложной проблеме реконструкции «тёмных» мест исторических источников с применением методологии комплексного междисциплинарного исследования. Работа вне всякого сомнения заслуживает положительной оценки.

В заключение отмечу следующее: выдвинутая на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (тюркские языки) диссертационная работа Ахмеда Алабиевича Глашева «Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников X–XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом контексте» соответствует основным положениям ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации «О порядке присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий», а также требованиям п. 9.10 «Положения о присуждении учёных степеней» по Постановлению Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. Исходя из вышеизложенного считаю, что автор рецензируемой диссертации вне всякого сомнения заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата

филологических наук по специальности 5.9.6.Языки народов зарубежных стран (тюркские языки).

Доктор филологических наук (по специальности 10.02.06 – тюркские языки), главный научный сотрудник НИИ тюркологии и алтаистики Казахского национального университета им. аль-Фараби, заслуженный деятель науки Чувашской Республики, член-корреспондент Турецкого лингвистического общества, академик Международной академии болгароведения, инвестиций и культуры (София), академик Чувашской национальной академии наук и искусств, член Президиума Всемирной ассоциации тюркологов, член Российского комитета тюркологов

Николай Иванович ЕГОРОВ

20 февраля 2025 г.

г. Чебоксары

